

17 СЕН 1985

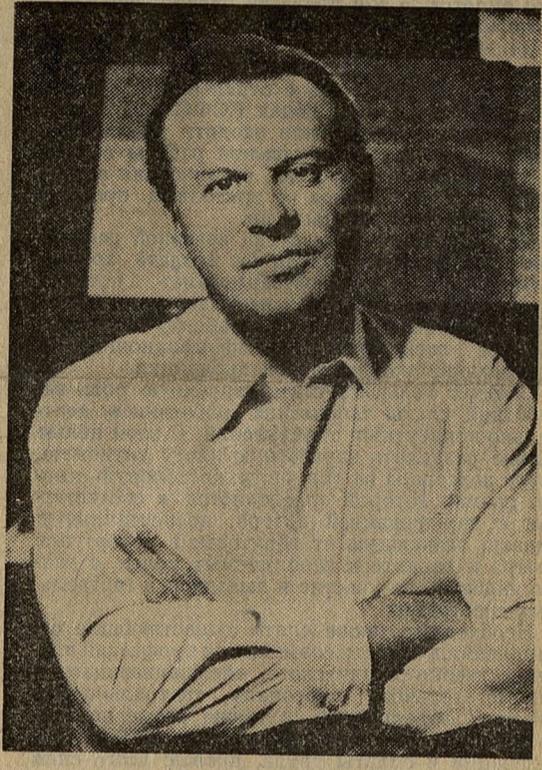
СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

БЕСЕДЫ О МАСТЕРСТВЕ

Евгений Светланов:

ОСТАВАТЬСЯ САМИМ СОБОЙ

- Только пытаюсь добиться невозможного, достигаешь максимума возможного.
- Слава — богатство суетное...
- Повезло — не повезло: как это понимать?
- Популярность — не создает ли она «психологический вакуум» вокруг художника?

В жизни **Евгения Светланова** не было сенсационных эпизодов, что встречаются иной раз в биографиях знаменитых артистов, когда счастливый случай неожиданно и резко меняет решительно все в судьбе человека. (Вспомнить хотя бы первое появление за дирижерским пультом прославленного Артуро Тосканини). И тем не менее сам Светланов считает, что ему в свое время, несомненно, «повезло».

— Только не надо понимать слово «повезло» узко, как это обычно делается, — пояснил он, беседуя со мной на эту тему. — Некоторые люди просто сводят все дело к счастливой случайности — и точка. По-моему, «везение» надо бы трактовать шире. Мне в молодые годы повезло — в самом высоком и достойном смысле слова. Родители мои были музыкантами; с детства я узнал театр, дышал, что называется, его воздухом. Довелось мне видеть и слышать великих певцов, дирижеров, и это отложилось в моей памяти на всю жизнь.

А разве не было огромным «везением» то обстоятельство, что мне посчастливилось стать ассистентом у Александра Васильевича Гаука? А мои занятия по композиции у Юрия Александровича Шапорина, по фортепиано — у Генриха Густавовича Нейгауза... О большем трудно было бы и мечтать. Разумеется, благоприятное стечение обстоятельств всегда важно для артиста, как и для любого другого. Но, думаю, особенно важно это в молодости. В дальнейшем человек все больше становится обязанным самому себе...

Как и всякий большой мастер, он непрестанно в движении. Когда-то А. Блок говорил о «чувстве пути», являющемся «первым и главным» признаком каждого подлинного художника. Светланов из тех, кто всегда «в пути». Оставаясь в общих чертах самим собой, он в то же время постоянно уходит от себя, отдаляется от того, что было свойственно ему вчера или позавчера. На каких-то ограниченных участках его творческой «магистрали» это, быть может, и не слишком заметно. На более протяженных и растянутых во времени — видно со всей отчетливостью. Еще не так давно считалось, например, что основная, наиболее близкая Светланову творческая сфера — русская музыка, и силен он прежде всего в ней. Многократно повторялось, что его дирижерская манера характеризуется преимущественно певучестью звукоизвлечения; что достоинства его как исполнителя исходят в первую очередь от полноты и свежести эмоционального переживания, от умения высказаться со сцены ясно, крупно и понятно. И что своими успехами он не в последнюю очередь обязан той обаятельной «славянской интонации», которая сквозит в его музыкальной речи. Разумеется, все это и ныне так; и щедрость эмоций, и национальный склад его исполнительства. Так — и не совсем так... Просто потому хотя бы, что Светланов, каким мы его видим сегодня, никак не уместается в рамках этого «амплуа», кстати, весьма привлекательного, которое можно было бы обживать и осваивать, не зная ни особых забот, ни хлопот. Ему же, напротив, хочется сломать рамки, в которых музыковеды и критики пытаются запечатлеть его творческий облик.

То, что делает Светланов на протяжении последних двух десятилетий, привлекает внимание прежде всего своей значительностью. Взглянем на программы, предложенные им публике в семидесятых и начале восьмидесятых годов: ничего малозначащего, ordinarily, проходного, случайного. Во всем ощущается масштабность замыслов, все крупно, с размахом, по «большому счету». Например, цикл концертов «Избранные шедевры западноевропейской музыкальной классики», включивший в себя капитальные произведения Бетховена, Шуберта, Шумана, Брукнера, Малера, Сибелиуса и других композиторов. (Заметим, что многое из этого исполнялось им впервые). Или нашумевшая премьера оперы Н. А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже» в Большом театре СССР. Или счастливое возвращение на сцену ряда незаслуженно забытых, исчезнувших из нашего поля зрения сочинений, таких, как «Братское поминовение героев...» Кастальского, «Сновидение Геронтиуса» Элгара, и т. д. Или серия передач «Все симфонии П. И. Чайковского» по Центральному телевидению, где исполнение каждой симфонии предваряется вступительным словом дирижера. Не будет преувеличением сказать, что практически любое выступление Светланова перед аудиторией оказывается в центре внимания специалистов и любителей музыки.

Примечательно, что ему всегда было стеснительно в границах какого-то одного занятия, одного вида деятельности. Он не только дирижует, возглавляя уже двадцать лет Государственный симфонический оркестр Союза ССР. Одновременно он и сочиняет; причем, по мнению публики и специалистов, хорошо знающих его музыкальные композиции, делает это ярко, талантливо, с высоким профессиональным мастерством. Среди написанного им можно назвать кантату «Родные поля», симфонические поэмы «Даугава» и «Калина красная», поэму для скрипки с оркестром (памяти Д. Ф. Ойстраха), ряд камерно-инструментальных и вокальных произведений. Далее, Светланов нередко можно видеть за фортепиано либо в качестве партнера певцов и инструменталистов, либо как исполнителя пьес сольного репертуара.

Словом, жизнь Светланова — сложная, мно-

госоставная «полифоническая конструкция». О ком-то другом, возможно, сказали бы: разбрасывается... О нем этого не говорят. Ибо таккова уж отличительная черта этой активной и мощной творческой природы — ей требуется выявлять себя во многом и разным.

Заниматься «разным» — это, кстати, и своеобразная форма отдыха для Светланова. Он всегда очень много работал. Еще со студенческих времен. Загоревшись чем-то, трудился исступленно, самозабвенно, со всей широтой и размахом, присущими его натуре.

— Когда я очень устаю от работы, от напряжений и объема ее, я стараюсь по возможности отвлечься на что-то другое, близкое и приятное мне. К чему, как говорится, чувствуешь зов душевный.

— Например? — прошу я уточнить.

— Например, на смежные искусства. Или, если не выходить за пределы музыки, на какие-то иные ее «жанры» и разновидности, не связанные непосредственно с дирижированием. Бывает так: увлечешься неожиданно какой-нибудь посторонней проблемой, она всецело занимает ум, а организм получает в это время необходимую разрядку и отдых...

Художникам типа Светланова лучше всего живется, когда работа заполняет без остатка все их существование, не оставляя ни малейшего просвета, ни одной свободной минуты. А потому единственное, что им остается, — это разнообразить, варьировать свой труд.

И потом: только работая на пределе сил, пытаюсь добиться невозможного, достигаешь максимума возможного. Светланов отлично это знает...

Люди, близко стоящие к нему, не скрывают, что общаться с ним порой непросто. Прямой и честный во взаимоотношениях с окружающими, с артистами оркестра, он в иные минуты бывает резок, категоричен, абсолютно беспощаден в своей требовательности. Его душевные движения и смены настроений иногда не так-то легко прогнозировать... Собственно, сейчас важно подчеркнуть, что на характере Светланова, крутом и сложном, не могла не оставить отпечатка его работа, специфика профессии. Так оно нередко случается с художниками, ведущими аналогичный образ жизни, сталкивающимися с теми же постоянными нервными перегрузками и психологическими коллизиями, с которыми знаком и он.

...Светланов — один из самых известных музыкантов современности. Слава его велика и всеми признана, что у нас в стране, что за рубежом. Не мешает ли она ему?

— Стараюсь, чтобы не мешала, — отвечает он на этот вопрос.

— Говорят, слава иной раз бывает пагубной...

— Постоянно ощущать собственную популярность, блаженствовать в ее сияющих лучах по меньшей мере опасно; деформируются кое-какие принципиально важные черты личности. Примеров, подтверждающих это правило, к сожалению, достаточно.

Да, известен мастеру напоминая о том, что он известен. Напоминаний главному образом те, кто непосредственно окружает его, соприкасается с ним. Тем самым, разумеется, мешает ему «уйти» от собственной популярности, забыть о ней; создают вокруг него некий психологический «вакуум», к слову сказать, совершенно для него нежелательный и совершенно ненужный. Важно уметь внутренне противостоять, сопротивляться этому. Важно оставаться самим собой, о чем я уже говорил. Иметь твердую внутреннюю позицию, независимую ни от каких воздействий извне.

И потом, не мешает сознавать, что слава — «богатство суетное». С годами, когда уже многое пережито и передумано, все больше убеждаешься в истинности этих слов. Все-таки главное для человека сделать то, для чего он рожден, а не просто погромче, пошумливее «заявить» о себе. Барон в пьесе Горького «На дне» произносит: «Ведь зачем-нибудь я родился». За этими словами, если вдуматься, кроется очень многое...

Есть издавна известное средство выдержать испытание славой, избежать расслабляюще сладкого дурмана ее... Это — недовольство собой, делом рук своих. Склонность к творческим сомнениям и состояниям внутреннего дискомфорта. Светланов всегда и знал, что это такое: мучительно острая — и спасительная — неудовлетворенность сделанным.

— Даже в отношении произведений, прозвучавших в моих выступлениях вроде бы и неплохо, у меня все равно сохраняется, я бы сказал, элемент скептицизма. Что-то могло бы быть сделано лучше — я всегда это знаю и вижу.

— Но ведь возникает творческой удаче — оно, наверное, возникает у вас, не правда ли? Не может же не возникать, хотя бы время от времени.

— Да, бывает. Но это ощущение «вообще». Целостное и нерасчлененное. Ощущение не сто-процентной удачи, отнюдь нет, а просто чего-то более или менее получившегося. Покопавшись же, всегда отыскиваю повод для недовольства. А «копаться» надо. Непремено надо!

Геннадий ЦЫПИН,
профессор.

19